

Б.Ф. ПОРШНЕВ В ДИСКУССИИ О РОЛИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ИСТОРИИ (1948–1953)

С.В. Кондратьев, Т.Н. Кондратьева

«Я это все, конечно, понимаю как обострение классовой борьбы».

Юз Алешковский

В конце 1940-х гг. в СССР прошли идеологические кампании, имевшие цель укрепить несколько расшатавшееся в период военного лихолетья единомыслие. Гонения, ссылки и проработки не обошли историков стороной¹. Ученых обвиняли в том, что они увлеклись «узкими, частными темами», «не ведут борьбу с антимарксистскими извращениями», «объективизмом», «экономическим материализмом», «космополитизмом». Партийное руководство страны решительно потребовало актуальных и методологически выверенных работ с широкими обобщениями².

Б.Ф. Поршнев откликнулся на оглашенный идеологический заказ рядом статей и рукописью книги о роли и месте классовой борьбы в феодальном обществе. Предшествующая научная биография ученого показывала, что он лучше многих способен справиться с поставленными задачами. Ему прекрасно была известна марксистская теория, и он,

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета; Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент кафедры документо-ведения и документационного обеспечения управления ТюмГУ.

¹ Подробнее см.: *Гутнова Е.В.* Пережитое. М., 2001. Гл. 35; *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. Гл. 2; *Левин Г.Р.* Страницы жизни. Ростов-на-Дону, 2003. С. 37–45; *Мосберг Г.* На историческом факультете МГУ // *ВИ.* 1949. № 2.; *Оболенская С.В.* «О времени и о себе»: воспоминания историка // *Одиссей.* 1995. М., 1995. *Альперович М.С.* Историк в тоталитарном обществе (профессионально-биографические заметки) // *Одиссей.* 1997. М., 1998; *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать» или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003. С. 117–126.

² См. например докладную записку Отдела пропаганды и агитации, направленную в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г.Ф. Маленкова в начале 1949 г. – РГАПСИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр.157. Л.1–2; см. также: *Митин А., Лихолот А.* За высокий идейный и научный уровень. О журнале «Вопросы истории» // *Культура и жизнь.* 1949. 21 апреля; О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // *ВИ.* 1949. № 2; Задачи советских историков в области новой и новейшей истории // *ВИ.* 1949. № 3; Выше уровень большевистской критики и самокритики в советской исторической науке! // *ВИ.* 1949. № 7.

кроме того, слыл специалистом по созданию логично безупречных теоретических конструкций. На рубеже 40-х – 50-х годов Б.Ф. Поршнев так определял главную задачу советской медиевистики: «Марксистско-ленинская историография видит свою задачу в тщательном изучении истории развития феодального способа производства и его противоречий, выражающихся в антифеодальном сопротивлении и в классовой борьбе угнетенных народных масс по-разному на разных этапах средневековой истории»³. В 1948 г. Б.Ф. Поршнев получил Сталинскую премию за книгу «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)»⁴, которая изобиловала широкими обобщениями. В то же время, фактографическая сторона данной работы вызвала нарекания. А.Д. Люблинская, проверив переводы, с присущей ей категоричностью заявила, что не нашла в книге «ни одной правильной страницы»⁵.

В 1950 г. начинающие ленинградские историки А.Х. Горфункель и В.И. Райсес, ученики Люблинской, написали сатиру «Восстание в Клошмерле»⁶, пародийно изобразив способность Поршнева подгонять данные источников под концептуальные обобщения. Приведем из нее наиболее яркий пассаж:

«До недавнего времени наша трактовка Клошмерльского восстания еще вызывала некоторые возражения, однако, теперь в наших руках имеется источник, неопровержимо подтверждающий наши основные выводы. Документ этот представляет собой кусок газетной бумаги in-624, форматом 65×7,5 мм. Текст сохранился довольно плохо, тем не менее, нам удалось прочесть следующую фразу: *Il se leve de son lit de mort.*

Поверхностный и доверчивый исследователь перевел бы эту фразу как «Он поднимается со своего смертного одра». Однако подобная буквальная передача текста, его примитивно-натуралистическое истолкование, преклонение перед данными источника, их скрупулезный и педантичный анализ являются основной порочной чертой все еще существующей школы историков-экономистов, уже не раз разоблаченной в наших статьях. Автор должен со всей решительностью заявить, что он не намерен следовать их путем, ибо это несовместимо с его принципиально-творческими установками. Так как цитированный документ имеет прямое и непосредственное отношение к восстанию в Клошмерле, он нуждается в гораздо более сложной и

³ Поршнев Б.Ф. Вопросы историографии средневековой Франции. Стенограмма лекции. 10 октября 1951 г. // ОР РГБ. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 10. Л. 92.

⁴ Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции пред Фрондой (1623–1648). М., Л., 1948.

⁵ Подробнее см.: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Указ. соч. С. 152–157.

⁶ Благодаря личному общению с А.Х. Горфункелем удалось узнать, что прообразом сатиры стал французский фильм, снятый по роману французского писателя Габриэля Шевалье «Клошмерль» и показанный в конце 1940-х гг. в СССР. Пользуясь случаем, хочу выразить А.Х. Горфункелю признательность за разъяснения.

квалифицированной интерпретации. Богатый опыт автора в области прочтения, публикации, перевода и толкования рукописных источников позволил ему восстановить полный текст этого ценного отрывка.

Прежде всего, под загадочным “*il*” неведомый автор понимал народ. Учитывая обстановку в Клошмерле, мы не можем предположить иного значения, которое было бы столь же естественным и закономерным. В ряде прочитанных нами писем, авторы не раз заменяли слово “народ” (*le peuple*) соответствующим местоимением. Но, если мы примем такое значение термина “*il*”, а не принять его невозможно, то вся фраза потеряет всякий смысл. Следовательно, и остальная часть этой фразы нуждается в аналогичной обработке и переосмыслении. Если некто поднялся со своего смертного одра, то не значит ли это, что обрел здоровье, спасение “*salut*”?

При этом предлог “*de*” мы можем с полным основанием и с тем более полным успехом заменить предлогом “*à*”, ибо они противоречивы и находятся в определенной семантическом единстве.

Что же касается выражения “*se leve*”, то здесь мы имеем дело не более как с естественным искажением переписчика. В самом деле, незначительная графическая операция поможет нам восстановить подлинный текст. Следует читать *se leve* как *s’eleve*, т.е. поднимается, восстает.

Подобным же образом, простым разделением слогов (а отдельные слова чрезвычайно легко пишутся слитно в древних текстах) мы можем заменить *salut* словом *sa lutte*. “*Sa lutte de mort*” при сложной грамматике и правописании равно, как и при специфическом словоупотреблении той отдаленной эпохи, должно быть переведено как “смертельная борьба”.

Этот анализ убедительно показывает, на какие трюки и ухищрения пускается, подчас, буржуазная историография, чтобы скрыть подлинный смысл событий. Однако, пронизательный взгляд исследователя проникает далеко вглубь веков и страниц и вскрывает историческое значение памятников отдаленной эпохи. Восстановленная фраза должна звучать так: *Le peuple s’eleve à sa lutte mortelle* – “Народ восстает на смертельную борьбу”. Можно ли найти более яркое свидетельство оценки современником подлинного характера восстания в Клошмерле? Кстати, эти немногие слова дают, пожалуй, больше для понимания классовой природы абсолютизма, чем целые политические трактаты»⁷.

Получив Сталинскую премию, Поршневу попытался еще больше упрочить свои позиции в отечественной науке. Упреки в тщеславии

⁷ Горфункель А.Х., Райцес В.И. Восстание в Клошмерле как неудавшаяся репетиция буржуазной революции в свете нового учения о формах классовой борьбы. Автореферат диссертации, представленный покойными братьями Тарентскими на соискание почетной степени магистра трепалогических наук. – Российская национальная библиотека. Ф. 1370 (А.Х. Горфункеля). Ед. хр. 208. Л. 13–16.

достаточно часто сыпались на его голову. Однако, если раньше его небесспорные попытки докопаться до того, о чем «сознательно или бессознательно старалась умолчать вся дворянская и буржуазная историография»⁸, наталкивались на критику коллег, то теперь, опираясь исключительно на цитаты классиков, он, казалось, мог не опасаться возражений.

Но все случилось иначе.

С 1948 по 1950 г. Поршнев опубликовал четыре статьи⁹ в журнале «Известия АН СССР»¹⁰, давшие повод к весьма ожесточенной полемике. Вопрос об источнике исторического развития вызывал у Поршнева неподдельный интерес. Он пришел к заключению, что движущей силой исторического процесса является борьба классов, которая позволяет, как ему казалось, универсальным образом объяснить все события и явления:

«Исторический материализм требует при объяснении истории исходить и не из “экономики” вообще (это – путь так называемого “экономического материализма”), а, прежде всего, из главного, основного экономического факта: отсутствия или наличия эксплуатации; если перед нами общество, основанное на эксплуатации, классовое общество, то исторический материализм требует объяснения всех надстроек¹¹ через классовую борьбу, отражающую основное производственное отношение, основной классовый антагонизм данного типа общества.

Таким образом, марксистско-ленинская историческая наука должна показать историю народных трудящихся масс не только как основной силы производственного процесса, но и как силы, веками

⁸ См.: Поршнев Б.Ф. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // Европа. Вып. 3. Тюмень, 2003. С. 194.

⁹ Поршнев Б.Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1948. Т. 5. № 6. С. 473–488; *Он же*. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1949. Т. 6. № 6. С. 521–537; *Он же*. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1950. Т. 7. № 3. С. 205–222; *Он же*. Сущность феодального государства // Известия Академии наук СССР. Серия история и философия. 1950. Т. 7. № 5. С. 418–444.

¹⁰ Большую помощь в публикации статей Б.Ф.Поршневу оказал В.В.Альтман, бывший тогда референтом Отделения истории и философии АН СССР. В 1951 г. В.В. Альтман, как бывший троцкист и «враг народа», был арестован. См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 10, 16. Ед. хр. 19. Л. 144. Он будет освобожден в 1955 г. по ходатайству А.М. Панкратовой. См.: Кан А. Анна Панкратова и «Вопросы истории». Новаторский и критический журнал в Советском Союзе в 1950-е годы // Историк и время. 20 – 50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М., 2000. С. 92.

¹¹ В другом месте он отмечал, что даже формы сознания зависят от классовой структуры общества. «Сознательность сама есть следствие классовой структуры народа». – См.: Поршнев Б.Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. С. 486.

боровшейся против эксплуататоров, которые владели теми или иными средствами производства»¹².

По мнению Поршнева, развитие и разложение феодализма подталкивалось незатихающей в течение столетий классовой борьбой крестьянства с феодалами:

«Пришло время медиевистам, следуя руководящему сталинскому указанию, сосредоточить внимание именно на крестьянской борьбе и показать, что она-то и была основной силой, принуждавшей развиваться в течение веков феодальное общество, государство и мировоззрение. Не менее важно показать, что та же крестьянская борьба была и основной силой революции, уничтожившей, в конце концов, феодализм».¹³

В отличие от большинства современных ему отечественных историков, утверждавших, что феодализм был разрушен буржуазными революциями, которыми руководила буржуазия, Поршнев полагал: «Феодальный способ эксплуатации ликвидирует именно “революция крепостных крестьян”, под которыми в широком смысле слова разумеются вообще феодально-эксплуатируемые крестьяне»¹⁴.

Советским историкам в целом было свойственно в любом обществе видеть носителей прогрессивного будущего и реакционного прошлого. В феодальном обществе будущее, полагали исследователи, было за буржуазией. Разнообразием трактовок отличалось отношение к крестьянству: одни считали крестьянство реакционной массой, другие полагали, что крестьянство могло быть союзником прогрессивной силы в борьбе с реакцией. Если вторую трактовку роли крестьянства в истории Поршнев с различными оговорками готов признать,¹⁵ то против первой он решительно восставал, наклеивая на ее сторонников разнообразные политические ярлыки в духе времени:

«Лассальянцы, меньшевики, троцкисты, псевдомарксисты разнообразных толков всегда, говоря об истории, делали главный логический

¹² Поршнев Б.Ф. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества. С. 521–522.

¹³ Там же. С. 525.

¹⁴ Там же. С. 528.

¹⁵ Поршнев признавал эту формулу абсолютно верной для социалистической революции. Но продолжал выражать несогласие с господствующей точкой зрения, что буржуазную революцию осуществляет буржуазия, используя крестьянство и городское плебейство в качестве союзников. Он считал такую позицию меньшевистской: «И ранние, и поздние буржуазные революции являются буржуазными революциями – в основе их лежит нечто общее. Меньшевистское обобщение гласило, что душой всех буржуазных революций была и будет буржуазия, большевистское – что душой всех буржуазных революций были и будут народные массы. Итак, антимарксистскую, антиленинскую позицию меньшевиков в вопросе о буржуазно-демократических революциях империалистической эпохи не следует отрывать от их представлений о буржуазных революциях вообще, в том числе о ранних буржуазных революциях». – Поршнев Б.Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. С. 480.

акцент на прогрессивности капитализма и буржуазии и, естественно, видели в крестьянстве, если оно выступало не под руководством буржуазии и не в борьбе за капитализм, лишь сплошную реакционную силу»¹⁶.

Сам Поршнев, призывая не судить «об объективном значении крестьянских восстаний преимущественно по их идеологии и субъективным целям», а по имеющему место «внеэкономическому принуждению» и фактам сопротивления, предлагал теорию «двух душ» крестьянства. Согласно ей, средневековый крестьянин одновременно является и «эксплуатируемым тружеником и мелким буржуа». Для «первой души» крестьянства борьба с феодалами является имманентно и априорно присущим качеством, «вторая душа» крестьянства, о чем, подчеркивает наш автор, всегда пишут меньшевики, делает крестьян «резервом буржуазии», которой они, как мелкие буржуа, стремятся стать. Борьба «по первой линии» является «основной чертой» «основного внутреннего антагонизма феодального общества»¹⁷.

Итак, классовая борьба, по Поршневу, является главным фактором всех социальных и экономических перемен. Но не только их. Институт вассалитета, государственность и даже техника вооружений в Средние века также эволюционируют под воздействием классовой борьбы. «Сущность феодального государства», считает Поршнев, собственно и состоит «в обуздании и подавлении крестьянства»¹⁸.

Особое место в статье занимают рассуждения об экономике и национальном рынке. Отмечая, что некоторые историки считают их явлениями, подталкивающими централизацию страны, Поршнев именуется такую точку зрения «экономическим материализмом»¹⁹, вновь и вновь отдавая приоритет классовой борьбе²⁰. Иными словами, крестьянство в Средние века, борясь с феодалами и государством, по мнению Поршнева, подталкивало к изменению и совершенствованию самые разные формы человеческого бытия.

¹⁶ Поршнев Б.Ф. История Средних веков и указания товарища Сталина об «основной черте» феодального общества. С. 525.

¹⁷ Поршнев Б.Ф. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. С. 480.

¹⁸ Поршнев Б.Ф. Сущность феодального государства. С. 421.

¹⁹ Современница тех событий Е.В. Гутнова полагает, что под сторонниками «экономического материализма» Поршнев понимал авторитетных историков того времени – Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, Н.А. Сидорову, В.Ф. Семенова. – См.: Гутнова Е.В. Пережитое. С. 266. Думается, что в своем утверждении она, скорей всего, права, поскольку именно эти историки самым решительным образом будут критиковать Поршнева за указанные статьи. Видимо, именно их будет иметь в виду Поршнев, когда в письме Сталину от 1 августа 1951 г. напишет: «Влиятельная группа историков, по своему мировоззрению близких к «экономическому материализму», сумела очертить эту мою работу, объявив ее «немарксистской» и «порочной». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 5. Л. 78.

²⁰ Поршнев Б.Ф. Сущность феодального государства. С. 428–429.

Схема Поршнева по меркам тех дней отличалась оригинальностью и претендовала на новое прочтение марксизма. А поскольку двух мнений в советском марксизме быть не могло, то его точке зрения надлежало сделаться либо «классической», либо ложной, «ревизионистской». Такой же выбор был у его оппонентов. Разномыслие не имело права на существование.

Согласно правилам того времени, столь дискуссионные статьи подлежали обсуждению, а затем либо одобрению, либо порицанию. С инициативой ответить на «вызов» Поршнева и провести обсуждение выступили аспиранты кафедры истории средних веков МГУ²¹, которые, как написал об этом А. Москаленко, «подвергли их серьезной обоснованной критике»²². «Затем статьи проф. Поршнева подверглись критике в секторе истории СССР до XIX в. в связи с обсуждением вопроса о периодизации истории СССР. И только в январе 1951 г.

²¹ Гутнова вспоминает: «По инициативе аспирантской молодежи в начале 1950 года началась дискуссия по статьям Поршнева, сначала на кафедре средних веков МГУ, а затем в Институте истории». – Гутнова Е.В. Пережитое. С. 267. Сказкин сообщал, что инициатива принадлежала «комсомольской организации при кафедре истории средних веков, заведующим которой я [Сказкин] имею честь быть». – Архив РАН. Ф. 1742. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1. «Правда, члены кафедры принимали участие [в обсуждении]». – ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 157–158. Сохранились свидетельства, что Поршневу выражалось этим недовольство, о чем упоминает Сказкин в приведенных выше документах. Несколько подробнее о том же говорит В.В. Бирюкович: «Когда стихийно велась критика статей проф. Поршнева, инициаторами которой были комсомольцы Московского университета, то т. Поршневу был не только этим возмущен, но, больше того, он не скрывал своего возмущения. Он открыто говорил об этом: как посмели какие-то комсомольцы Московского университета в то время, когда он был болен, в его отсутствие, обсуждать его работу». – ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 180. В ходе обсуждения статей Ю.М. Сапрыкин счел необходимым заметить: «Я должен дать справку, Борис Федорович, Вы обиделись, что Ваши статьи обсуждались без Вашего присутствия. Но Вас приглашали неоднократно, Вы не хотели явиться на это обсуждение. Вы ходили к декану и просили, чтобы он это незаконное “сборище” не разрешал. Декан, ссылаясь на свободу критики и борьбу мнений, Вам отказал». – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 36. Но сам Поршневу совсем иначе интерпретировал эти события: «Напротив, я обратился к руководству истфака с просьбой подкрепить обсуждение, намеченное аспирантами, то есть обеспечить более расширенный общественный и научный контроль. Мне было обещано, что общественный контроль будет обеспечен, чтобы более широкие круги приняли участие в обсуждении. Тем не менее, обсуждение в МГУ не носило нормальный характер, товарищи провели обсуждение без меня, во время моей болезни, что я, несмотря на все их аргументы, считаю неправильным. Можно было недельку подождать, – ничего не горело, и лучше было бы обсуждать в моем присутствии, раз уж меня пригласили». – Там же. Л. 224. Нельзя не задать вопросом о том, насколько свободны были аспиранты МГУ в своем инициировании, а насколько оно было им подсказано «сверху». Но, к сожалению, никакими данными на сей счет мы не располагаем.

²² Москаленко А.В. Институте истории Академии Наук СССР. Обсуждение статей Б.Ф. Поршнева // ВИ. 1951. № 6. С. 138; См. также об этом: ОР РГБ. Ф. 684, Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 15–16, 19–20.

работы Б.Ф. Поршнева подверглись всестороннему обсуждению в дискуссии, организованной сектором истории средних веков»²³. Сами количественные характеристики обсуждения, показывают насколько статьи Поршнева получили большой резонанс. В прениях выступило 22 человека, на каждом заседании присутствовало от 100 до 200 слушателей²⁴.

Видимо, самой дискуссии предшествовала определенная организационная подготовка. Не пренебрег ею, вероятно, и сам Поршнев, пригласивший на обсуждение философов²⁵.

Обсуждение в секторе средних веков открылось выступлением Поршнева, который счел необходимым подчеркнуть, что статьи его «заострены» против «некоторых наших историков», которые недооценивают «значение борьбы масс против эксплуататоров в исторических судьбах феодального общества». Он добавил, кроме того, что публикации представляют главы из готовящейся монографии «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества»²⁶, которая будет состоять из 7 глав. По жанровой принадлежности статьи «близки к истмату»²⁷.

В дальнейшем обсуждение пошло по давно отработанному сценарию: работы подверглись проверке на верность марксизму. Часть

²³ Резолюция открытого партийного собрания Института истории «О состоянии научной критики и самокритики и об идейно-теоретическом уровне научной продукции» от 26.04.1951 г. – ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 254–255.

²⁴ Москаленко А. Указ. соч.

²⁵ Сохранились свидетельства о том, что философов для участия в дискуссии на стороне Поршнева привлекал уже упоминавшийся В.В. Альтман. «Известно, что Альтман играл не последнюю роль в группе Поршнева, Манфреда, Вебера и др. Необходимо заняться этим вопросом серьезно. Именно Альтман старался напечатать статьи Поршнева в журнале, которые подверглись такой единодушной критике на последней дискуссии. Именно Альтман старался всячески обеспечить положительные отзывы работников Института философии об этих порочных с методологической точки зрения статьях, требовал от т. Асиновской посылки повесток в Институт философии, хотя по работе Альтман не имел к этому никакого касательства». – Из выступления Н.А. Сидоровой на заседании партбюро Института истории от 20.01.1951 г. См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л. 10; «Я хочу фиксировать внимание партийной организации на следующем факте, что Альтман, который лез во все дела, совершенно его не касающиеся, не только напечатал статьи Поршнева в “Известиях Академии Наук”, не только тащил их в печать одну за другой, он на дискуссии проявил необычайную активность, тащил философов с третьего этажа, чтобы выступили в защиту этих статей Поршнева. И товарищи, которые выступали в защиту Б.Ф. Поршнева, должны иметь в виду и знать об этих фактах, которые я докладываю. Известно нам, что он проявил необычайную активность, чтобы всячески поднять на щит и оправдать их». – Из выступления Н.А. Сидоровой на отчетно-выборном партийном собрании Института истории от 20.01.1951 г. – См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 88.

²⁶ Обсуждение статей Б.Ф. Поршнева, опубликованных в журнале «Известия АН СССР, серия истории и философия», в 1948 – 1950 гг. // Известия АН СССР. 1951. Т. 8. № 2. С. 201–208. Упомянутая монография была издана только в 1964 г.: Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 15–16.

выступающих нашла статьи противоречащими марксизму. Идеологические обвинения, которых Поршневу выдвигал против неназванных историков, вернулись теперь к нему самому с не менее хлесткими эпитетами. Ю.М. Сапрыкин обвинил Поршневу в уклоне в «вульгарный материализм», «ревизии основных высказываний классиков марксизма-ленинизма о феодализме», в косвенной полемике с ними, «непонимании диалектики исторического развития», «неискренности», «догматизме», «свободном обращении с фактами»²⁸.

По мнению С.Д. Сказкина, Поршневу неправильно интерпретирует Сталина, «превращает классовую борьбу в имманентно развивающуюся категорию», «искажает основные положения исторического материализма», «устраняет... роль нарождающейся буржуазии как класса в процессе образования абсолютной монархии», «искажает факты», противоречит «совершенно ясным и недвусмысленным заявлениям классиков марксизма-ленинизма», находится под «влиянием Марра»²⁹. Сказкин особо подчеркнул, обращаясь к Поршневу: «Вы хотите всю конкретно-историческую действительность уложить формалистически в прокрустово ложе вашего понимания классовой борьбы как единственной причины исторического процесса в целом, не принимая во внимания той конкретной формы, в которой классовая борьба происходит при феодализме, и притом на разных ступенях развития феодализма она происходит по-разному»³⁰.

В.В. Бирюкович назвал концепцию Поршневу «немарксистской», «неправильной», «идеалистической», содержащей «глубоко ошибочные положения», «склоняющейся к Дюрингу, против которого так непримиримо в свое время боролся Ф. Энгельс», «искажающей марксистско-ленинскую методологию». Одна из главных ошибок Поршневу, по словам Бирюковича, состоит в том, что тот «начисто отрицает и прогрессивную роль абсолютизма, поскольку последний создается, по его [Поршневу – С.К., Т.К.] мнению, лишь для того, чтобы подавлять революционное движение масс»³¹.

Н.А. Сидорова усмотрела в статьях Поршневу «попытку ревизии основных положений марксизма-ленинизма, попытку, прикрытую левой фразой и поэтому особенно опасную», «отрицание ряда известных высказываний классиков марксизма-ленинизма, а также искажение

²⁸ Обсуждение статей... С. 201; Москаленко А. Указ. соч. С. 138; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед.хр. 1. Л. 36, 53.

²⁹ Обсуждение статей... С. 202; Москаленко А. Указ. соч. С. 138–139; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 72, 74, 75. Обвинение в следовании Н.Я. Марру, лингвистическая теория которого незадолго до этого подверглась осуждению лично Сталиным, было по тем временам весьма серьезным.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 72; Экземпляр текста выступления Сказкина хранится также в его фонде. См.: Архив РАН. Ф. 1742. Оп. 1, Ед. хр. 11. Л. 1–11.

³¹ Обсуждение статей... С. 203; Москаленко А. Указ. соч. С. 139.

учения И.В. Сталина», «антиисторизм», «рецидив «покровщины»³², «отвержение материалистического понимания истории» и «идеалистическую позицию».³³

С.А. Покровский обвинил Б.Ф. Поршнева в схематизме и «в заимствовании» отдельных положений из «буржуазной литературы» или даже «буржуазной науки». А.Д. Эпштейн – еще раз в «идеализме»³⁴.

Заслуживают быть отмеченными выступления, в которых, помимо констатации факта наличия схемы в конструкции Б.Ф. Поршнева, в той или иной форме звучала мысль о необходимости обратиться к исследованию конкретного материала источников. Об этом говорили В.Ф. Семенов, В.В. Стоклицкая-Терешкович, Ю.А. Корхов, А.В. Десницкая³⁵.

³² То есть солидаризация со взглядами М.Н. Покровского, которые были «осуждены» и «развенчаны» еще в начале 30-х годов.

³³ Обсуждение статей... С. 205; *Москаленко А.* Указ. соч. С. 141; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 197, 203, 204, 205, 208, 215, 216–217, 221–222.

³⁴ Обсуждение статей... С. 203, 204; *Москаленко А.* Указ. соч. С. 140, 142; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 105 и сл.

³⁵ Обсуждение статей... С. 202, 204, 206; *Москаленко А.* Указ. соч. С. 139–142; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Особенно Л. 79, 85–86, 126–127, 139. Наиболее интересными нам представляются выступления в защиту источниковедения и конкретных штудий В.Ф. Семенова и В.В. Стоклицкой-Терешкович. Семенов: «Надо сказать о самой манере писать, которая характерна для Бориса Федоровича в его разбираемых статьях. Это по существу очерки, которые носят характер общего обзора. Автор никакой научно-исследовательской работы в них по существу не продельывает. Он берет произвольно цитаты из классиков марксизма-ленинизма, затем по этим цитатам старается развить свои собственные взгляды. В подтверждение своей концепции он дает те или иные исторические примеры, но факты, которые он приводит, не многочисленны и не новы. Часть их весьма нам знакома, часть фактов выглядит как будто оригинально, но, если вдуматься и отнестись критически, то оказывается, что автор толкует их неправильно, часто пытается просто притянуть искусственно в угоду своей концепции. Вообще надо сказать, что фактическое содержание статей Б.Ф. Поршнева очень бедно. В них больше общих фраз и рассуждений, недостаточно в конце концов аргументированных...». – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 79. В.В. Стоклицкая-Терешкович: «Борис Федорович! Я очень ценю Вас, как талантливого и яркого человека, высказывающего яркие мысли, и мне глубоко обидно, что вы допускаете такие искажения исторических фактов или просто обходите их молчанием, не считаете нужным углубляться в них и даже возводите это в теорию, доказывая, что все остальное, что освещено историей с учетом пестроты, всего разнообразия, всей яркости ее конкретного содержания – все это описание, а для того, чтобы понять, углубить, чтобы дать теорию, нужно отвлекаться от всего совершающегося, от 90% конкретного содержания истории и нужно просто остановить внимание на одном каком-нибудь уголке, на одной части, пусть очень важной части, но все-таки части. Если выдвигать одну часть, такое одностороннее освещение искажает понимание целого. Я помню Ваши статьи о Тридцатилетней войне, которые печатались в “Вопросах истории”. Эти статьи, простите меня за правду, настолько по уровню выше тех, которые подверглись здесь обсуждению, что прямо становится обидно за вас. Вы могли бы чрезвычайно много дать, хотя бы в области изучения Тридцатилетней войны. Вы сами сказали: она затягивается у Вас на 13 лет. Жаль,

Звучали в ходе обсуждения слова и в поддержку Поршнева. Наиболее последовательными здесь оказались З.В. Удальцова и М.А. Алпатов³⁶. Они сочли нужным не только поддержать Б.Ф. Поршнева, но и выступить с критикой его оппонентов. Стилистика защиты, правда, ничем особенным не отличалась от словесных пассажей нападения. Удальцова сочла теоретичность и абстрактность обсуждаемых статей положительным явлением, которое выгодно отличает их от «наблюдавшегося в последние годы в работах многих советских ученых увлечения фактологией», и остро полемизировала с Сапрыкиным и Сказкиным. Алпатов также вступил в полемику с «рядом участников дискуссии, не считавших нужным отметить достоинства обсуждаемых статей... Приведя конкретные примеры, М.А. Алпатов утверждает, что взгляды, против которых нацеливал свое выступление Б.Ф. Поршнев, не изжиты, что борьба с ними остается важной задачей советской

что Вы не приближаете ее. Мы бы все, я убеждена, с наслаждением прочитали ее. Разрешите резюмировать: теория, которая не объясняет факты, а либо замалчивает, либо искажает их, – это теория нехорошая». – ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1.Л. 126–127.

³⁶ З.В. Удальцова была женой М.А. Алпатова. Как видно из материалов ЦАОДМ, в 1950 г. книга Алпатова выдвигалась на Сталинскую премию, а Поршнев и Альтман активно этому способствовали. На отчетно-выборном партийном собрании 31 января 1951 г. С.Л. Утченко, например, говорил: «случай ...о возможности представления на Сталинскую премию работы М.А. Алпатова. Я должен сказать так, что вопрос о выдвижении работ на Сталинскую премию и работы М.А. Алпатова, и всех других, я, как представитель дирекции, не знаю правильно или не правильно, но совершенно сознательно занял такую позицию: я считаю, что в это дело дирекция вмешиваться не должна и не должна давать никаких директив в том смысле, что такую-то работу продвигайте, а такую-то проваливайте. Я совершенно открыто и ответственно заявляю, что я никому такой директивы не давал. Наоборот, я спрашивал руководителей секторов: ваш сектор выдвинул на Сталинскую премию какую-нибудь работу? Мне говорили нет, и более разговор я не вел. Если говорили да, мне называли работу, я говорил, ну что же, проводите, обсуждайте, тем более что уже сроки подходят, надо провести это в срочном порядке. Мне Б.Ф. Поршнев сказал, что он, как руководитель сектора, думает выдвинуть на Сталинскую премию работу М.А. Алпатова». – ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. Хр. 19. Л. 75 В выступлении Н.А. Сидоровой речь шла о Альтмане, которого она упорно публично связывала со своими оппонентами Поршневым и Алпатовым: «Относительно Альтмана. Михаила Анатольевича партбюро вызывало в связи с заявлением, которое было сделано на партбюро, что книга Алпатова продвигалась в издательстве и выдвигалась на Сталинскую премию, Альтман пытался выдвинуть через Волгина, что все-таки связь между этими явлениями существовала, и Михаил Анатольевич объяснил, что он в свое время предоставил работу матери Альтмана по линии иностранного издательства, что мать Альтмана переводила книгу. Потом он перестал давать переводческую работу и, видимо, Альтман, желая продолжить получать материальные блага, начал страшно хлопотать о выдвижении книги Алпатова на Сталинскую премию». – См.: Там же. Л. 87–88. Данные высказывания показывают, что споры подогревались не только «наукой», но и личными мотивами и интересами. А политические характеристики, видимо, использовались в качестве самого лучшего инструмента для сокрушения оппонента.

исторической науки». По мнению Алпатова, «статьи Б.Ф.Поршнева будут полезны для борьбы с буржуазной историографией»³⁷.

В защиту Б.Ф.Поршнева подали голоса присутствовавшие на заседании философы Т.И. Ойзерман и В.Ф. Константинов. Первый подчеркнул, что Б.Ф.Поршнев «следует указанию товарища Сталина рассматривать историю, прежде всего, как историю трудящихся масс». Второй отметил, что Б.Ф. Поршнев «делает большое дело и его надо в этом поощрить..., ибо у историков есть опасность недооценки теоретического момента, сползание к фактологии»³⁸.

Поршнева поддержали М.М. Смирин, З.В. Мосина, А.В. Мельникова и И.З. Тирапольская. Отметим, однако, что даже сторонники Поршнева нашли в его построениях либо ошибки, либо «недооценки». Кто «схематизм», кто «преувеличение роли классовой борьбы», кто подмену понятий.

Итоговое выступление Косминского, который, по-видимому, не был в восторге ни от предмета обсуждения, ни от тональности дискуссии, оказалось достаточно мягким. Ему удалось увидеть позитив в самой постановке Поршневым проблемы крестьянского сопротивления. Он посчитал «необоснованными» выдвинутые против Поршнева обвинения в том, что тот «ревизует марксизм-ленинизм». Но Косминский согласился с теми, кто считал, что статьи содержат положения, «противоречащие прямым указаниям классиков марксизма-ленинизма». Это нашло выражение в том, что в статьях подвергся «рассмотрению не феодальный способ производства в целом, а лишь определенная его сторона, которая дана как бы через сильное увеличительное стекло»³⁹. В то же время другие стороны остались вне поля зрения автора, оказались преуменьшенными. Подчеркивая роль крестьянского сопротивления в истории феодального общества, Б.Ф. Поршнев отвлекся от остальных сторон, искажил действительные пропорции явлений и дал в целом неверную картину»⁴⁰.

Кроме того, Косминский призвал медиевистов «углубленно изучать марксистско-ленинскую теорию и решать важнейшие методологические проблемы в сотрудничестве с советскими философами, на основе конкретно-исторического исследования»⁴¹.

Представляется, что выступающие, не менее половины которых весьма доброжелательно относилось к Поршневу, не желали принимать

³⁷ Обсуждение статей... С. 202–203, 205; *Москаленко А.* Указ. соч. С. 141–142; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 88–91.

³⁸ Обсуждение статей... С. 204–205; *Москаленко А.* Указ. Соч. С. 140–141; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 152, 181, 183.

³⁹ В стенограмме сказано «лупа». См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 288.

⁴⁰ Обсуждение статей... С. 206; ОР РГБ. Ф. 684. Картон 20. Ед. хр. 1. Л. 279, 280, 285, 286, 288, 290.

⁴¹ *Москаленко А.* Указ. соч. С. 142.

его слишком последовательный, как сказали бы, наверное, в 40-е – 50-е годы, монизм. Видимо, многие опасались, что победа Поршнева обернется новой кампанией по навязыванию идеологически значимой тематики исследований. Историки, судя по всему, все-таки хотели сохранить хотя бы право на разнообразие исследовательских сюжетов, если уж подходу суждено было оставаться одному – марксистскому.

По итогам дискуссии редакция «Известий АН СССР» дала свой комментарий, в котором покаянно признала ошибкой публикацию статей Поршнева за присущую им «вульгаризацию марксизма, схематизацию и механистическое представление об историческом процессе, выразившиеся в игнорировании роли экономики в изучении и раскрытии законов развития общества, в игнорировании законов развития производительных сил и производственных отношений; в отрыве классовой борьбы, кипевшей в феодальном обществе, от развития его производительных сил и производственных отношений, приводящем к вульгаризации марксистского понимания исторического процесса, к немарксистской трактовке роли классовой борьбы; в отказе от требуемого марксизмом-ленинизмом исторического подхода к явлению прошлого, в схематизме и механицизме»⁴².

На публикации Поршнева полемическими статьями отозвались Косминский и П.Н. Галанза⁴³. Их статьи, так же, как работы самого Поршнева, целиком строились на цитатах. Если Поршнев обвинял своих неназванных противников в «экономическом материализме», меньшевизме и троцкизме, то Косминский поставил Поршневу в упрек прежде всего схематизм его умозаключений при внешней их стройности. Косминский, по сути, счел дискуссию бесполезной, ибо весь спор, по его признанию, носил сугубо отвлеченный характер. Это – спор из-за слов, категорий:

«Несомненно, у него [Поршнева] есть интересные и новые мысли и наблюдения, но в целом его построение неверно и не разъясняет, а запутывает историю средних веков. Его теории легко могут ослепить фейерверком “новаторских” и очень “левых” мыслей. Но это не тот стиль мысли и языка, не тот простой, ясный и убедительный стиль, которому учит нас Ленин и Сталин»⁴⁴.

⁴² Обсуждение статей... С. 206–207.

⁴³ Косминский Е.А. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма (по поводу статей Б.Ф. Поршнева) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1951. Т. 8. № 3. С. 237–255; Галанза П.Н. Об ошибочных взглядах Б.Ф. Поршнева по вопросу о сущности феодального государства // Вестник МГУ. 1951. № 9. С. 163–174.

⁴⁴ Там же. С. 255. Отметим, что Косминский был по меркам тех дней предельно корректным и деликатным в своих оценках, подчеркивая отдельные «интересные» места в статьях и то, что Поршнев отнюдь не собирался подвергнуть «ревизию марксизм». Видимо, не случайно Сидорова, один из самых принципиальных, жестких и последовательных противников Поршнева, не считала возможным использо-

Галанза был менее толерантен. Небезынтересны идеологемы и методологемы, которые он использовал при характеристике статей Поршнева. Перечислим их кратко. Итак, Поршнев «отрывает классовую борьбу в феодальном обществе от развития производительных сил», понимает «классовую борьбу весьма узко и примитивно, “отмежевывает” классовую борьбу и политику от экономики». В его статьях «обнаруживается порочность методологических установок», «антиисторичность самой постановки вопроса», «невообразимая путаница» и «ничем не замаскированная ревизия марксизма», стояние на позициях критикуемых марксистами философов XIX в. Дюринга и Фейербаха, «непонимание того, как решается марксизмом-ленинизмом вопрос о соотношении базиса и надстройки». Поршнев «игнорирует» положение Сталина, что «надстройка активно содействует своему базису оформиться и укрепиться», а также «игнорирует все сказанное основоположниками марксизма-ленинизма о причинах, парализовавших волю крестьянства к борьбе». Галанза утверждал, что концепция Поршнева «построена на гнилой теоретической основе», а сам он «не в состоянии дать вразумительное объяснение процессу борьбы за преодоление раздробленности и создание централизованного государства...». Наконец, по мнению Галанзы, Поршнев впадает в «космополитичность». Сами его статьи являются «вопиющим фактом пропаганды схоластики, путаницы и извращений марксизма-ленинизма на страницах журнала Академии наук СССР»⁴⁵.

Статья Галанзы свидетельствует, что противники Поршнева не были удовлетворены «научными» результатами дискуссии. Им нужны были политические выводы. Как свидетельствует Гутнова, такова была обычная практика тех дней. И Поршнев, если бы «прав» оказался он, поступил бы с оппонентами точно так же⁴⁶.

Поскольку наиболее последовательные борцы за чистоту марксизма с марксистом Поршневым расценивали результаты дискуссии как промежуточные, неокончательные, то разбирательство теперь следовало перенести в партийные органы, которые обладали правом последнего вердикта по всем проблемам, включая научные. Открытое партийное собрание Института Истории с повесткой дня «Об идейно-теоретическом уровне научной продукции и о состоянии научной критики и самокритики» прошло 25–26 апреля 1951 г. Не менее половинны времени на нем заняло обсуждение статей беспартийного Поршнева.

вать в борьбе с ним Косминского. На одном из заседаний партбюро она, в частности, говорила: «Косминский боится, что Поршнев назовет его экономическим материалистом, – он, подводя итоги, готов назвать Поршнева прекрасным историком. Вопрос нужно поставить на партийном собрании; должна быть заготовлена специальная резолюция, подготовиться нужно серьезно». – ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 22. Л.46.

⁴⁵ Галанза П.Н. Указ соч. С. 163–175.

⁴⁶ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 267.

Выступая на собрании, Поршневу говорил, что в отечественной медиэвистике «образовались две, далеко друг от друга отстоящие точки зрения, что в каждой есть ошибки: одна из них слишком акцентирует классовую борьбу и недооценивает экономику, другая, напротив, делает ошибку, сосредоточив внимание на экономике, и недооценивает классовую борьбу». Он после проведенной в январе дискуссии извлек из критики «пользу», приступил к переработке статей и готовящейся к изданию книги «Роль борьбы народных масс в истории феодального периода». Книга, судя по его характеристикам, должна была стать и абсолютно абстрактной, «более истматовской», и одновременно обрести «более полемичный характер». В ней предстояло рассмотреть «соотношения между теми или иными философскими понятиями», еще шире использовать теоретические положения Ленина и Сталина⁴⁷.

Поршневу, вместе с тем, заметил, что пока он «перестраивается», «выносит всю пользу из критики», его оппоненты, «представители другого течения» и не думают поступать также. Дискуссия показала, что это течение малочисленно – «пять-шесть-десять человек». Возглавляет его Сидорова, а входят в него Сказкин, Бирюкович, Корхов, Эпштейн⁴⁸.

Поршневу своей речью спровоцировал следующих выступающих. Пожалуй, только его непримиримый оппонент Сидорова сосредоточилась на содержании его статей, вновь оценив их как «вульгарное» и «голое социологизирование», как попытку «извращений и искажения исторических фактов», отход «от основных положений марксистско-ленинской теории», «внесение недопустимой путаницы в понимание исторического процесса». В них она увидела «схематизм», «механизм», «нигилизм», «нарушение важнейшего требования марксистского диалектического метода». Понятно, что главным, по сути, не научным а политическим обвинением, стало выдвинутое ею обвинение в отходе Поршнева от марксизма:

«Полный отрыв классовой борьбы, развивавшейся в феодальном обществе, от развития его производительных сил и производственных отношений приводит профессора Поршнева к немарксистской трактовке самой классовой борьбы, искажению и опошлению ее марксистского понимания»⁴⁹.

Все остальные выступавшие, а их вновь оказалось 22, говорили не столько о статьях Поршнева, сколько о нем самом. Наиболее резкими по отношению к автору критикуемых статей, после Сидоровой, оказались В.Д. Мочалов, Ш.И. Типеев, Н.Е. Застенкер, С.А. Покровский, В.В. Бирюкович, А.П. Кучкин. Выступали они как защитники «чистоты

⁴⁷ ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20, Л. 62–67.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 99–110.

марксизма» от попыток его извращения. Понятно, что при этом написанному давались скорее политические, нежели научные характеристики. Мочалов заявил, что деятельность Поршнева достойна награды президента США Трумэна. Застенкер отметил, что историк скользит по наклонной плоскости, а Бирюкович фактически приравнял Поршнева к поливающим партию грязью врагам народа⁵⁰.

В резолюции и решении партсобраний статьи Поршнева были признаны ошибочными и «порочными», поскольку «содержат ряд антимарксистских положений идеологического и методологического характера... Этим статьям проф. Б.Ф. Поршнева присущи вульгаризация марксизма, схематизация и механистические представления об историческом процессе». Причины ошибок, по мнению авторов этих официальных документов, состоят в том, что Поршнев «недостаточно овладел марксистско-ленинской теорией, не научился творчески применять теорию марксизма-ленинизма, он односторонне и непродуманно пользовался цитатами и высказываниями классиков марксизма-ленинизма, т.е. поступал подобно тому, как делают начетчики, талмудисты»⁵¹.

Летом 1951 г. Поршнев в очередной раз подвергся критике в редакционной статье журнала «Вопросы истории», где отмечалось, что он, «правильно подчеркнув огромную роль крестьянства и его классовой борьбы в ликвидации феодального строя,.. совершил, однако, ошибку, рассматривая классовую борьбу в отрыве от развития производительных сил, а также производственных отношений в целом». Эта и другие его ошибки «субъективистского, идеалистического характера» стали «результатом пуганицы в вопросах теории, непонимания отношения друг к другу таких общественных явлений, как производство, базис, надстройка»⁵².

Однако в той же редакционной статье «ошибки», подобные сделанным Поршневым, названы «исключением»:

«Значительно чаще в трудах советских историков встречаются отдельные ошибки вульгарно-материалистического характера, упрощение некоторых сторон исторического процесса в связи с недооценкой активной роли надстройки, недооценки роли классовой борьбы как важнейшего двигателя истории и др. Особенно страдают в этом отношении исследования феодальной эпохи. В частности, в некоторых вышедших за последнее время исследованиях по истории русского и западноевропейского крестьянства экономические вопросы подверглись обстоятельной и всесторонней разработке, а классовая борьба занимает более чем скромное место»⁵³.

⁵⁰ Там же. Л. 127–140, 168–172, 173–177.

⁵¹ Там же. Л. 248, 253, 271.

⁵² Значение трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания для советской исторической науки // ВИ. 1951. № 7. С. 4, 9.

⁵³ Там же.

Летом 1951 г. Поршневу закончил 455-страничную рукопись книги «Роль борьбы народных масс в истории феодального общества», которую вместе с письмом непосредственно адресовал Сталину⁵⁴. «Работая над книгой, – писал Поршневу, обращаясь к генсеку, – я имел лишь одно желание – быть последовательным учеником Вашим и В.И. Ленина». Подчеркивая, что книга «направлена против пережитков “экономического материализма” и меньшевизма в исторической науке», Поршневу вкратце излагал суть своих разногласий с оппонентами. По его мнению, «партийная организация Института Истории АН СССР навряд ли права, некритически солидаризировавшись с моим главным оппонентом Н.А. Сидоровой и односторонне обрушив весь огонь критики в мою сторону. В печати дискуссия отражена крайне тенденциозно»⁵⁵.

У нас нет сведений о том, ознакомился ли с текстом книги Поршнева сам Сталин. Судя по маргиналиям на полях, ее переадресовали секретарю ЦК ВКП (б) М.А. Сулову, а тот, в свою очередь, направил рукопись заведующему Отделом науки и высших учебных заведений ЦК М. Яковлеву⁵⁶. Отдел науки принял решение провести рецензирование рукописи, к которому привлек историков Сказкина, Бирюковича, Л.В. Черепнина и философа Г. Глазермана⁵⁷. Думается, что привлечение к рецензированию книги главных оппонентов Поршнева едва ли могло быть случайным.

Первые три рецензента, будучи знакомыми с содержанием статей, не нашли в книге по сравнению с ними принципиальных различий⁵⁸. Отзыв Глазермана был достаточно доброжелательным. Книга Поршнева ему импонировала «новаторским духом», «смелыми теоретическими обобщениями», «стремлением раскритиковать до конца так называемый экономический материализм и показать со всей силой роль народных масс в истории феодального общества, роль классовой борьбы как движущей силы развития феодального общества». Но даже он, вслед за историками, вынужден признать: Поршневу «трактует борьбу классов как движущую силу исторического процесса столь односторонне, что фактически приходит к игнорированию экономической основы общественной жизни»⁵⁹.

Из всех упомянутых отзывов рецензия Сказкина выделяется особо, поскольку в ней представлено видение автором личностных качеств

⁵⁴ Письмо датировано Б.Ф. Поршневым 9 августа 1951 г. В ЦК ВКП (б), судя по штампу, оно попало 17 августа 1951 г.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр.5. Л. 78–79.

⁵⁶ Там же. Л. 78.

⁵⁷ Там же. Л. 117.

⁵⁸ Там же. Л. 82–83, 101об, 110.

⁵⁹ Там же. Л. 111–112.

Поршнева⁶⁰. Использованная Сказкиным лексика показывает, что отношения между двумя учеными либо были разорваны, либо находились на грани разрыва. Поршневу, по словам Сказкина, присуща «моральная неразборчивость», мстительность за критику, «бесстыдная ложь». «Проф. Поршнев, – заявляет он, – принадлежит, к сожалению, к типу “дельцов” в науке, делающих карьеру и притом далеко не всегда морально допустимыми для советского человека средствами, а поэтому он и считает возможным для себя говорить неправду, если таковая ему выгодна»⁶¹.

В это время к критике Поршнева присоединились также историки некоторых провинциальных вузов. Например, преподаватели Воронежского университета и Воронежского пединститута на совместном заседании «провели творческую дискуссию о работе проф. Б.Ф. Поршнева “О крестьянских движениях и проблеме феодального государства в средние века”. По докладу доц. Н.Ф. Колесниченко выступили проф. И.Н. Бороздин, доц. Е.В. Чистякова, аспирант Г.И. Липатникова и др. Критике были подвергнуты основные положения работ проф. Б.Ф. Поршнева»⁶².

10 декабря 1951 г. в Отделе науки ЦК ВКП (б) Поршневу была возвращена рукопись книги⁶³. Не исключено, что тогда же или позже с ним была проведена беседа. В письме, написанном заведующим Отделом науки Яковлевым и заведующим сектором этого же отдела А.М. Митиным от 27 декабря 1951 г. в адрес секретаря ЦК ВКП (б), констатировалось, что критика автором книги «не была учтена»:

«По общему заключению рецензентов рукопись проф. Поршнева содержит ряд неправильных теоретических положений, ошибочных утверждений и поэтому нуждается в значительной переработке. Проф. Поршнев с основными замечаниями рецензентов согласен. Рукопись по просьбе автора возвращена ему для переработки»⁶⁴.

Но Поршнев, видимо, даже после такого ответа не опускал руки. С февраля по август 1952 г. он вел интенсивную переписку с редакцией

⁶⁰ Видимо, Сказкина раздражала и вся эта история, и необходимость вновь к ней обращаться. Об этом свидетельствует экземпляр его отзыва, хранящийся в архиве РАН, где на первой странице рукой Сказкина приписано: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб прошибет». – Архив РАН. Ф. 1732. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 11. Свои принципиальные разногласия с Поршневым Сказкин затронул еще раз несколько лет спустя. См.: *Сказкин С.Д.* Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения) // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.) / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1957. С. 12, 16, 18.

⁶¹ Там же. Л. 97–98.

⁶² *Бенклиев С.Н.* Научная работа историков Воронежского университета // ВИ. 1952. № 2. С. 154.

⁶³ См. написанную и датированную им расписку. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 5. Л. 80.

⁶⁴ Там же. Л. 118.

журнала «Вопросы истории», пытаясь безуспешно опубликовать здесь свою статью «Экономика и классовая борьба в феодальную эпоху», где полемизировал с упомянутой выше статьей Косминского. Причем письмо от 9 июня 1952 г. Поршневу адресовал не только главному редактору «Вопросов истории» П.Н. Третьякову, но и Ю.А. Жданову, секретарю ЦК ВКП (б), а также в отдел науки ЦК ВКП (б), сделав специальную оговорку, что свой ответ Косминскому он пишет «по совету руководящих товарищей»⁶⁵.

Вместо этого «Вопросы истории» опубликовали направленную против Поршнева статью Бирюковича. Лексика ее автора мало чем отличалась от лексики Поршнева. Бирюкович именовал собственную профессиональную деятельность «историческим фронтом», возрения оппонента клеймил как «порочные», а его работы – как «немарксистские и ненаучные» «извращения марксистской истории», в которых Поршневу «предпринял попытку пересмотреть с народнических позиций некоторые из основных положений марксистско-ленинской теории», допуская «неодюрингианские и неонароднические ошибки»⁶⁶. Главная беда Поршнева, по мнению Бирюковича, состояла в том, что он хотел быть марксистом в большей степени, чем, наверное, сам Маркс, имея склонность «революционизировать марксистско-ленинские взгляды»⁶⁷.

В начале 1953 г. журнал «Коммунист» опубликовал передовицу «За воинствующий материализм в общественной науке», которая прославляла «творение сталинского гения», незадолго до этого воплотившегося в труде под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Здесь, помимо прочего, подчеркивалось, что «гений» этот, с одной стороны, «обогащает марксистско-ленинскую науку», а с другой, «наносит удар идеализму, волюнтаризму, фаталистическим теориям, стихийности». Однако при этом отмечалось, что, несмотря на все усилия вывести советскую науку на «первое место в мире», в ней еще не изжиты «элементы семейственности, приятельских отношений, групповщины», имеют место попытки «монополизировать тот или иной участок научной работы, оттереть молодые кадры, замаять критику ошибок». Поэтому «партия Ленина-Сталина учит неустанно развертывать критику и борьбу мнений»⁶⁸. В качестве примера «ошибочных взглядов» в науке упоминались статьи Поршнева, который, «критикуя проявления экономического материализма, ...сам допускает ошибки

⁶⁵ См.: ОР РГБ. Ф. 684. Картон 29. Ед. хр. 4. Л. 1–7. Письма от 15 февраля, 20 июня, 15 июля, 3 августа 1952 г., а также письмо от 1 августа 1953 г.

⁶⁶ Бирюкович В.В. О некоторых вопросах развития феодального общества // ВИ. 1952. № 2., особенно С. 30, 37, 42, 45.

⁶⁷ Там же. С. 31, 40.

⁶⁸ За воинствующий материализм в общественной науке // Коммунист. 1953. № 2. С. 3–13.

идеалистического характера». Квинтэссенция этих «ошибок» состояла в «отрыве классовой борьбы от развития»⁶⁹.

На критику печатного органа ЦК ВКП (б) Поршнев ответил покаянным письмом в редакцию журнала «Вопросы истории», где признавал, что появление последнего труда Сталина открыло ему глаза на сделанные ошибки. Из произведения вождя он почерпнул, прежде всего, мысль о существовании «объективных законов развития», независящих от воли людей. Теперь он понял: ни одно событие в истории не может произойти по субъективному желанию людей или классов. Для этого должна созреть вся совокупность материальных предпосылок и объективных условий. Он не учел этого обстоятельства, когда писал свою монографию «Народные восстания во Франции перед Фрондой». Недооценка объективных законов развития привела его также к тому, что он фактически развел способ производства и классовую борьбу. Тогда как «классовая борьба порождается классовым, эксплуататорским характером производственных отношений, она обостряется с ростом противоречий между производительными силами и производственными отношениями... Развитие антагонистического способа производства и классовая борьба – это единый неразрывный процесс». Поршнев каялся и в том, что своими статьями «принес объективный вред делу пропаганды марксистско-ленинской теории», которой «недостаточно овладел». По его словам, слишком долго медлил с критикой собственных воззрений и теперь ставит себе это в вину. В дальнейшем он обещает «преодолеть свои ошибки идеалистического характера, до конца осознать их и исправить»⁷⁰.

Подведем итоги.

Поршнев, похоже, как никто другой из коллег, был увлечен поиском общего смысла и логики истории. В конце 40-х годов в его жизни произошел решительный поворот от конкретных изысканий к чистой теории. Он написал «истматовские» статьи и книгу, в которых сделал – ни больше, ни меньше – попытку вскрыть основную причину эволюции общества в Средние века, а фактически – и в истории вообще. Классовая борьба в различных проявлениях, по его мнению, была той, как ни парадоксально это звучит, созидательной силой, которая преобразовывала и орудия труда, и этнические общности, и формы государственности.

Динамичное видение истории было характерно и для других советских историков-марксистов. Однако большинство из них считало источником развития перемены в экономическом базисе, производительных силах и производственных отношениях. Над всем этим

⁶⁹ Там же. С. 10.

⁷⁰ Поршнев Б. Письмо в редакцию // ВИ. 1953. № 4. С. 139–142.

возвышалась надстройка – государство, культура, идеология и проч. Понятно, что и Поршневу, и его оппоненты использовали в своих построениях одни и те же марксистские категории, набор которых предопределял их отношение к материалу. Те трудности, с которыми столкнулся Поршневу, пытаясь уложить конкретные данные источников XVII в. в прокрустово ложе теоретической схемы, а также, по всей видимости, и карьерные соображения, побудили его подняться на еще более высокий уровень теоретических обобщений, с которого детали исторической конкретики становились неразличимыми и несущественными. Там можно смело было оперировать метафизическими конструкциями. Но подходы Поршнева, если бы они были приняты в качестве нормативных, с неизбежностью должны были и тематически, и сюжетно ограничить его коллег. И мы в гораздо большей степени этим обстоятельством, а не происками, скажем, Сидоровой, склонны объяснить столь решительное неприятие профессиональным сообществом советских историков концепции Поршнева.

Манера убеждения оппонентов и используемые участниками дискуссии научные и политические идиомы показывают, что толерантностью большинство членов академического сообщества не отличалось. Истиной считалось то, что поддерживалось и официально одобрялось партийными органами. Отсюда непрестанные обращения участников дискуссии в партийные инстанции, а также постоянно звучащие намеки на высокую поддержку. Восторжествовать могла только одна точка зрения, отсюда постоянное использование военной лексики – «исторический фронт», «нанести удар», «переломить хребет» – и политической терминологии с обвинениями друг друга в «ревизионизме», «меньшевизме», «троцкизме», «экономическом материализме», «юрицизме», «отходе от марксизма», «идейном извращении и теоретической порочности», «схематизме», «механицизме», «нигилизме», «вульгарном и голом социологизировании», «левой фразе». Если, согласно поговорке, в споре рождается истина, то итогом подобной «научной» полемики в те годы обычно становились оргвыводы. К счастью, в данном случае все закончилось публичным покаянием.

Несомненно, Поршневу был масштабной фигурой, по-своему неординарной, со столь же ярко выраженными достоинствами, как и недостатками, с поразительной способностью удерживать вокруг себя преданных друзей и почитателей и наживать многочисленных и могущественных врагов. Он не просто доказывал свою правоту, но навязывал свою точку зрения другим при помощи самых жестких методов не столько научной дискуссии, сколько политической борьбы. Впрочем, его оппоненты поступали точно таким же образом.